

В СОВРЕМЕННОМ актерском искусстве В. И. Стрельчик — явление примечательное, самобытное, и об этом стоит сказать особо.

...В недрах нашего театра за последнее десятилетие происходят заметные эстетические сдвиги. Меняется привычная форма отношений между актером, режиссером, драматургом. Элементарный пример подобных перемен: актеры пишут драмы и ставят спектакли, режиссеры и драматурги превратились в художников, которых зритель видит — реже на сцене, чаще на экране, в ролях эпизодических и главных. Меняются внутритеатральные отношения, меняются и облик самих профессий, прежде всего актерской, как наиболее мобильной и всеобъемлющей.

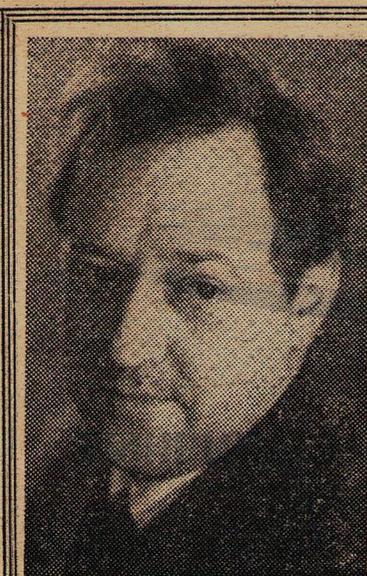
Вникая в сферы влияния смежных творческих профессий, актер и в обличье своем, и в образе мыслей полностью утратил сегодня былую «чеховую» ограниченность. Он — художник, человек, в поле зрения которого наиважнейшие проблемы бытия. Он хочет сказать свое слово о человеке, о современной действительности и быть максимально понятным окружающим.

Процесс, который сегодня совершается в театре, не однозначен. Очевидна его своевременность и прогрессивность. И тем не менее... Театр ведь учреждение вполне самостоятельное, имеющее свою историю, свою культуру. Значит, актер при всей широте творческих, гражданских интересов, должен сохранить в себе еще нечто. Специфическое, неразложимое, что может быть определено лишь в категориях театра и никаких других...

И вот здесь с логической необходимостью должно быть названо имя В. И. Стрельчика, который интеллигентен именно театральная интеллигентность, который шлифовал свою сценическую манеру, глубоко постигнув культуру театра. Стрельчик — актер не только по призванию, но и по профессии. А это трудно в наш век узкой специализации и широких специальностей все время ощущать свою кровную связь с тем исторически сложившимся целым, которое мы назвали культурой театра.

Здесь ведь дело не только в особых навыках ремесла или мастерства. Здесь особый склад чувствований, особый способ отражения действительности — физически осязаемый, напоенный живой плотью человека-актера. Вот это «живое» начало должно быть критерием мастерства, формировать особую чеканность речи, весомость жестов, осмысленных, необходимых.

«Актерство» Стрельчика отмечено в высшей степени чувством собственного достоинства, выправкой внутренней и внешней. Оно насквозь иронично, дабы, став лицедеем, актер не утратил собственного лица. И драматично. Есть в актерском ремесле своя профессиональная драма — вечная неудовлетворенность, недосказанность. Ведь актер всегда зависим от режиссера, пристрастий публики, от роли, написан-

АКТЕР

ной драматургом. Отсюда резковатый, терпкий, что ли, привкус, который отличает сценические создания Стрельчика. И еще. «Актерство» его блистательно тем ярким, праздничным блеском, который создает в зрительном зале атмосферу приподнятости, радостного ожидания удовольствия...

Вся творческая жизнь Стрельчика связана с Большим драматическим театром им. Горького. После войны он закончил студию при БДТ и на сцене его сыграл свои первые роли. Что за роли? Неотразимых героев «плаща и шпаги», романтических любовников. Стрельчик играл Клавдио в комедии «Много шума из ничего», Флориндо в «Слуге двух господ», Дон Хуана в «Девушке с кувшином», Рюи Блаза...

В конце 50-х годов художественный курс БДТ изменился. Изменился и репертуар актера. Теперь он стал играть Цыганова в «Варварах», Грибоедовского Репетилова, Кулыгина в «Трех сестрах», Машкова в «Традиционном сборе». Стрельчик забыл романтических героев юности? Ничуть не бывало. Просто романтизм Стрельчика стал использоваться Г. А. Товстоноговым как бы в «мирных целях», направляться на истины, более современные, нежели роковая любовь Рюи Блаза.

Свой круг творчества у Стрельчика сложился здесь как-то сразу, удивительно складно. Банальное, «загтертое», «пошлость пошлого человека», драматизм ее, разные ипоста-

си и конфигурации — темы, вроде бы и не романтические, сделались предметом актера-романтика.

Противоречивость видимого и сущего в человеке интересует Стрельчика. Принципы его актерской индивидуальности обусловлены законом, по которому скучное в жизни должно быть раскрыто на сцене с захватывающей остротой, банальное — оригинально. Вспомните, как делал, как хохлил Стрельчик своего героя — пошляка Грига из пьесы «Безымянная звезда». Набриоленные волосы, черные усики, поза — нога на ногу, интонации грациознейшего хамства в границах, дозволенных преуспевающему дельцу и элегантному мужчине. Актер прямо-таки эпикурейски смаковал ситуацию, когда богатый Григ со снисходительным презрением философствовал о бессмысленности возвышенных порывов в человеке.

Словно блистательный поэт-импровизатор, Григ—Стрельчик «рифмовал» свои избитые доводы в каскаде виртуозных пассажей. Здесь мимика, жесты, интонации складывались в единое переливчатое целое. Банальность героя актер возводил в своего рода эстетику. И образ богатого «злодея», обольстителя, фата, весьма, впрочем, тривиальный, обрел у Стрельчика пленительную первозданность.

А Репетилов! Будто парящий в невесомости, весь словно пенящаяся через край шипучка, был постине афористическим выражением незлобивой пустоты: «Да! Водевиль есть вещь, а прочее все гиль», В числе ролей, сыгранных Стрельчиком, выделялся Актер, который учил основам красноречия бесноватого Уи в спектакле «Карьера Артуро Уи». Импозантный старик-актер превращался у Стрельчика в образ многосложный. Критики отмечали: «Актер Стрельчика — фигура почти трагическая, потому что он был очень хорошим актером когда-то, но пошлость жизни убила в нем его искусство».

Разрабатывая диалектику своей темы, Стрельчик и в самом деле приходит к интонациям трагической пронзительности. Вот тянется в его творчестве такая цепочка ролей: Цыганов («Варвары»), Кулыгин («Три сестры»), Соломон («Цена»). Циник, прожигающий жизнь; просто скучный человек; дряхлый старьевщик. Они — не герои. Они — из мешан, из обывателей. Но как больно, как отчаянно звучит в них человеческое! И в Цыганове, когда он запивает «горькую», потому что жизнь когда-то пошла по кривой, «скособочилась», а понял он это поздно. И в Кулыгине, когда этот глупый, добрый Кулыгин обнаруживает в отношении к жене своей Маше такую бездну чуткости, самоотречения, что и не снилась любимым чеховским героиням. И в Соломоне, когда он, одинокий, словно случайно забытый богом на этом свете, ставит на патефон старую «смеющуюся» пластинку и рыдает ей в унисон.

Как после этого назвать Стрельчика актером характерным? Он романтик в самом прямом смысле слова. Художник, чуткий и к бездуховности, и к боли человеческой. Несколько лет назад в спектакле «Третья стража» Стрельчик сыграл роль большевика Баумана, сыграл романтическую тему, так сказать, «впрямую» подтвердив свой художнический «символ веры».

Перебираю в памяти роли, сыгранные актером, театральные и кинематографические. Сколько их было? Много. Стрельчик пользуется популярностью не только у зрителей, но и у режиссеров. И все-таки как мало он еще сыграл в сравнении со своими возможностями. В нем сокрыт потенциальный Кречинский. Он был бы превосходным Вышневым в «Доходном месте» Островского. И еще — шекспировским Лиром, мелочно-суэтильным и трагически несчастным. Контуры этого образа уже намечены в роли Соломона...

Т. ЗАБОЗЛЯЕВА

- КТО ОН, АКТЕР СЕГОДНЯШНИЙ!
- ВЛАДИСЛАВ СТРЕЛЬЧИК И ЕГО ГЕРОИ
- ЗА РАМКАМИ РОЛИ
- ЛИР ИЛИ КРЕЧИНСКИЙ!

В. Стрельчик в роли Кулыгина.